

БУСИНЫ

рассказ

Он любил хостелы и не любил гостиницы. В хостеле бурлит жизнь; в гостинице усталые люди отсыпаются после напряжённого дня. Или напиваются после напряжённого дня. Или приводят чью-то оболочку, чтобы расслабиться после напряжённого дня. Вешаются, кстати, всегда в гостиницах. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь повесился в хостеле? Кончатъ с собою под «Радио-востоку»?

Он включил кондиционер и внимательно посмотрел на виниловые обои. Открыл дверь на балкон, на балконе оказалось приятно. Упёрся подтаявшим взглядом в точку рядом с электрическими часами.

Почему я не курю? Потому что не нравится. А мог бы сейчас следить за огоньком, пепел сбрасывать уверенным жестом. А мне не нравится. Ну если не нравится, то и сиди здесь, ищи бритвенный станок среди четырёх футболок. Белая, коричневая. И где он? Белая со скелетом лошади и снова коричневая. И зачем тебе Липецк? Ты даже фенибут купить не можешь. Мудак.

А в самом деле, почему бы и не Липецк? Стоял поздний август, бунинский, спелый. До столовой, переименованной в арт-кафе, спустаться было две минуты.

Не две, а все четыре. Вечно ты так. Всё через задницу. И не побрился. Очки хоть протри.

Литературные девушки накатывали волнами:

– Я не понимаю, нет, я не понимаю, как можно спать со своей...

– Оль, ну хватит. Надоело.

– Нет, ну это же отвратительно. Нет? Завтра в десять встречаемся?

– В десять уже экскурсия.

Он подошёл к футуристическим кубам с морковным соком, взял стакан:

– Вы лучше со сливками.

– Со сливками полезно.

– Ага.

– Тимур.

– Алиса.

Какой, к чёрту, Тимур?

– Я Сергей, Сергей Геннадьевич.

– А я всё ещё Алиса.

После семинара пили чай у него в номере.

– Вы сладкое любите? Я вот купил. Свежие.

– А я больше остренькое люблю.

И засмеялась. Точнее, хохотнула.

Ну и дебил. Ты бы ещё пирожков с капустой купил. А что в пирожках плохого? Пирожки и пирожки. Тетя их жарила, плоские такие, с неровными пятнами, с мучными проплешинами. Запах висел на лестничной клетке. И пальцы потом жирные, хотя полотенцем вытер.

Она глядела вопросительно:

– ...И как вам?

– Мм?

– В номере за три тысячи в сутки нет чайника.

– Это ужасно.

– А я что говорю?

Ноги у Алисы были ровные. Коленки походили на аккуратных щенков – мягкие, округлые, левая с ямочкой. Наверное, их стоило поцеловать. Он представил, как целует и чувствует губами плотный капрон. Стало забавно.

– Мёртвые? С ними всегда можно договориться. Свечку поставишь – и спокойно. Ограду мыть нужно.

Ограду. И что ты забыл в Липецке? И как теперь её вытолкать? Женщины такого типа сначала говорят о себе, потом о мёртвых, потом убиваются, потом лепечут, потом приходится всю фестивальную неделю изображать героя Юзефовича.

– Может, пойдём уже?

– Минуточку.

Она причмокивала губной помадой. Уап-уап. Вместительный звук. Сапа тоже так делала.

– Мы опоздаем на ужин.

– Не опоздаем.

И отправилась в ванную.

Пужинали котлетами по-киевски и варёной картошкой. За соседним столом говорили о премиях.

– Всё-таки безобразие. Могли бы хоть горчицу поставить. Вы стихи пишете?

– Не пишу.

– А читаете?

– Иногда.

– А хотите, я вам Иванова почитаю?

Потом пили кагор в комнате с чёрными чашками. Какие-то люди дружелюбно и неразличимо знакомились. Цветные солнечные капли растворялись в окне. Алиса становилась розовой и молочной.

Слева от него бородастый мужик, по-видимому, завсегдатай, протяжно читал с телефона. Другой, симпатичный блондин с лицом порочного деверя, постоянно перебивал бородача.

– Кижуч такой толстенький был, рыжий. Огромный! Носиком тёрся. Выставишь его на балкон, потом заберёшь – а лапки холодные, влажные. И мурлычет, как пылесос. Когда его закопали, я так плакала, просила папу, чтобы сохранил, сберёг для меня. Был же у нас олень. Ну знаешь, такой олень на стене. Рога красивые, острые. Глаза нежные-нежные. Я только потом поняла, что это бусины.

– Потому что они высыхают.

– Что?

– Настоящие глаза высыхают, поэтому их закрывают монетами или заменяют пуговицами.

– Ты поэт?

– Нет, я пишу стихи.

В половине четвёртого его разбудил странный звук: кто-то медленно точил нож о дверцу ретро-автомобиля. Он попытался улечься, устроиться, растянуться, но Алисина нога придавливала, словно контрольная по геометрии. Девятый Б, достаём двойные листочки.

– Ууу, сука!

Дверь застонала.

– Открывай, сука.

Дверь втянула живот и задрожала.

– Нахер иди, а?

– Это ты у меня пойдёшь, сука. Открывай.

Алексеева – четыре. Будницкая – четыре. Володин – три. Не удивлена.

Алиса смотрела на него спокойно и даже торжественно.

– Ты не злишь, Серёж, не злишь. Это муж мой.

– Какой, нахер, муж?

Кудимов, три, стыдно, Кудимов.

– Ты куда?

Когда одеваешься в темноте, сложно попасть в джинсы с первой попытки. Вокруг что-то мелькало и уже позвякивало, когда он наконец справился.

- А ну сюда иди, мудила.
- Вадик, ну пожалуйста, ну Вадик.

Алиса лежала на полу и пыталась уговорить Вадикову ногу успокоиться.

- Вадим, что вы делаете!.. Оставьте её, урод!

Вадим аккуратно переступил через жену и направился вглубь комнаты.

Утром была экскурсия.

- Что у вас с щекой, Сергей Геннадьевич?
- Ударился. Порезался, когда брлся.
- Хорошо начинаете. Жаловались на вас.

Теперь, пожалуй, и не заплатят. Да нет, заплатят, билеты же оплатили, значит, и остальное будет. Солнце в затылке жгло уже нестерпимо.

- Анна Матвеевна, вы случайно не видели... Девушку... Женщину... Чёлка светлая. Алиса.
- Пермякову, что ли? Так она выехала.
- Как выехала?
- Так за ней мужчина приехал. Представительный. Прямо ночью её и забрал. Номер им не понравился. В «Лагуну», наверное, переехали. Вас на встречу с Розовским записывать?

ЛЁНЬКА рассказ

Арбузы были хорошие, Лёнька сразу это понял. Лобастые, гулкые, с припёкшейся где-то землицей. К таким ребятам следует со всем уважением. Взять хоть дыню – никакого величия. Арбузу же требуется почтительность.

- Почём?
- Тридцать пять.
- А если большой возьму?
- Тридцать пять.
- А по тридцать?
- Тридцать пять.

Лёнька выпрямился.

- Берёшь?
- Да беру, беру. Вон тот давай.

Через 13 минут смуглый и некрупный Лёнька пытался втиснуться со своим приобретением в троллейбус номер 14.

- Молодой человек, ну куда вы давите?
- Я не давлю.
- Нет, давите. Передаём за проезд.
- Я не могу передать. У меня руки заняты.
- А вы свою авоську-то пристройте.
- Да куда ж я её пристрою?
- А куда хотите. Передаём за проезд.
- У меня там друг.

– ...

- Щенок у меня там. Держите.
- А какой породы?
- Бойцовской. Укусит. А сдача?
- Нужна мне твоя сдача. Жадюга.

Девушка в клетчатой рубашке заинтересовалась.

- А сколько ему?
- Четыре. Месяца.
- А вы где живёте? А то у меня питбуль.
- На Хрусталёва. Мне уже выходить.

В 14-40 арбуз был погружён в ванную и там вполне обустроен.

«Шенок. Бред какой-то. Слепые, что ли. Видно же, что круглый. Куда мне шенка? Совсем ауели». Лёнька достал мокрый, пахнувший солнцем арбуз и обтёр его коричневым полотенцем.

Сентябрьское солнце, ядовитое, как цветы на Ленькиных бермудах, прелести жилью не добавляло.

«Разрежу его пополам. Затяну пленкой. Сегодня съём одну половину, а завтра другую. Всё равно, блин, испортится. Зачем купил».

Арбуз смотрел на человека отсутствующими глазками и ждал. Человек думал.

«Надо Леху позвать. Лопну».

– Лех?.. Это Леня. Ну, с работы. Та не, со стройки. Да. Слушай, Лех, приходи ко мне вечером. У меня арбуз есть. Хыы, да не пил я. Клёвый арбуз, на меня сейчас смотрит. Ну, с Юлькой приходите. А чё? Да нормально. Посидим... Ну, как хочешь. Ладно, давай.

– Слышь, арбуз, – арбуз насторожился. – Не придёт к нам Леха. Сам тебя и нарежу.

Лёнька отправился на балкон и вернулся с пластиковым ведром.

Арбуз молчал.

Лёнька принёс из коридора газету, просмотрел заметку о досрочных выборах губернатора, взял нож с оранжевой рукоятью.

Арбуз молчал.

– Нет, ты пойми, дело ведь не в тебе.

Арбуз молчал укоризненно.

– Ты для того и есть, чтобы я тебя резал. Понимаешь?

Лёнька занёс нож над зелёной гирею, с каким-то беспечеством вонзил его в ягодный бок, провернул, хрустнул, поднажал и понял, что арбуза ему не хочется.

ХАРДКОР рассказ

Понедельник

– Сто долларов.

– Кирилл мне говорил, что четыреста.

– Кирилл уже третий год снимается.

– Кирилл говорил...

– Да в жопу твоего Кирилла. Я сказал – сто долларов за съёмочный день. Еда и напитки наши.

Мигунов прикинул – если получится два через два, то вполне. И свободного времени уйма.

– Ну ок.

Среда

– Смотри, сценарий такой. Ты – пожарный, она – с плюшевым медведем.

– А медведь ей зачем?

– Ну, допустим, сиротка она. Итак, ты заходишь в комнату, смотришь по сторонам, всё в дыму. Пока понятно?

– Ага, я записываю... медведь... в дыму.

(Хех, записывает он)

– Ну вот, ты берёшь её на руки и несёшь прямо на камеру, в камеру не смотреть, люди не за твоего морду платят. А дальше – по ситуации.

– Понял.

– Смена в одиннадцать. Быть к десяти. Костюмер, гример.

– Я вас не подведу.

– Ты, главное, на съёмке не подведи, чудила.

Мигунов, разумеется, опоздал.

Четверг

- Маась, ты новенького уже видела?
- Неа, пудру передай.
- Говорит, что съёмка у него первая.
- Бедняжечка. Ты уж на него не набрасывайся.

(Хихикает)

- Ой, на кого там набрасываться. Ты его видела? Он гладкий, как селёдка.
- Девчонки, ну хороший же мальчик, перестаньте.
- Гриш, да у тебя все хорошие.
- Знаете, кто у него дедушка?
- Лётчик-испытатель?

(Смеются)

– У него дедушка – Степан Мигунов, мастер соцреалистического искусства.
– Гриша, трёхминутная готовность.
– Вот, пожалуйста. «С.И. Мигунов – советский (российский) художник, автор известных полотен „Радость труда“ (1964), „Комбайнёры“ (1968), „Бетон“ (1971). Основные живописные работы выполнены в академической манере, отличаются психологизмом и эмоциональностью».

Гришу, двухметрового увальня с картонными глазами, уводят на съёмку.

Пятница

Когда Мигунов напивался, то разговаривал. Иногда с женой – она этого не любила. Иногда с кошкой, но кошка была глухая, кусала за ногу, когда он чистил лоток. Чаще других Мигунов разговаривал с Валечкой. Когда-то они учились вместе, он это отлично помнил. Ну как вместе? У них были общие занятия по начертательной графике. Валечка работала тщательно, изредка облизывала карандаш, а Мигунов обычно разглядывал туловище парты, изъеденное чернильными язвами, протёртое и высушенное, как вчерашний морковный салат. Мигунова не интересовали правила оформления чертежей, не интересовало проектирование перпендикулярами на некоторые плоскости, интересовал Мигунова Валечкин затылок. Скрученные безжалостно волосы кое-где пробивались на волю, вшивались в девичью шею лёгкими коготками, оставляли гремучие тени. Когда у Валечки не получалось, она немного потела – Мигунову это нравилось. Познакомиться так и не вышло.

Валечка, Валечка! Почему тебя нет? Кому теперь явишься?

«Бросили все Мигунова», – подумал Мигунов и допил.

Да, Валечка его слушала, Валечка его понимала. Она бы спросила, а почему всего сотка, Юрий? Ты же работал истоиво, Егор, работал даже не на четыреста, а на честных пятьсот. Но не было пока что Валечки, а был Портвейн Массандра Алушта розовый ликерный 0,75 за 399 рублей по акции «Жёлтый ценник».

– Ну ты и тряпка, Георгий.

Голос глухой, бесноватый.

- Тряпка. Лишенец. Баяба.
- Ба – ля – ба?
- Вот взять бы тебя за патлы и... Клопомор!
- Валечка?
- Сам же, гнида, понял, что не Валечка.

Мигунов почувствовал, что оскорбительная речь доносится из-под дивана, полез было, но устал. Облокотился.

- Ты куда подрамники дел, спрашиваю?
- Под-рам-ники?
- Валандаешься, будто яблоко в ведре, а мне теперь разгребай. Здравсте-пожалуйста, дорогой Степан Ильич.

- Дееедуушкаа?
- Ну не бабушка же. Где подрамники?
- На «Авито» п-п-продал.
- А голову ты не продал? Троцкист.

Дедушку Мигунов не любил. Только хорошего у него и было, что квартира.

- Деньги нужны очень.
- Где растворитель, прод?

Суббота

Здравствуйте, это Мигунов. Помните меня? Неважно, я с Аллой Леонидовной раньше договаривался. Очень приятно, Георгий. Так вот, Анна, я по поводу картины. Ага, я понимаю. Да-да. Но это совершенно новая работа. Совершенно.

(Делает какие-то отметки на коробке из-под пиццы)

Нет, это совершенно новая работа. Холст, масло. Рабочее название – «В бане». Да, состояние хорошее, нет, состояние идеальное! Семьдесят на сто тридцать, на сто тридцать два. Да, я понимаю.

(Отглатывает виноградно-яблочный сок)

На Щепкина? А дом какой? За зелёной дверью? Понял, ага.

(Загадочно слушает)

Анна, я надеялся хотя бы на двести, это же масло. Разумовская за триста у вас идёт! Вялов за шестьсот восемьдесят! А Мигунов – не имя? Не имя?

(Смотрит на желтоватый от времени холодильник)

Ладно. Я сказал – ладно. Согласен. Нет, всё в порядке, с чего вы взяли. Да, конечно. Да, можно частями. Хорошо, я к двум подъеду.

Воскресенье

Здравствуйте, дорогие друзья! Как приятно в этот воскресный день видеть такие заинтересованные, молодые, не побоюсь этого слова, вдохновенные лица. *Катя, ты снимаешь?* Степан Ильич Мигунов был бы счастлив, если бы знал... Степан Ильич любил и понимал молодежь... До последнего дня, до последней минуты... Из самых глубин... Душа его тянулась, но здоровье... Долгий творческий путь... *Кать, где тот внук херов?*

Мигунов подошёл к микрофону и откашлялся.